Автор: Оргкомитет
18.10.2012 09:47

Победитель ежемесячного конкурса БЛК (Стихи.Ру). Живет в Саратове (Россия).

Строкаметр

Нет ни пути, ни исхода в земном лабиринте,
нет между строк ни значенья, ни смысла иного,
нет ни в одном алфавите достаточно литер,
чтобы сложилось единственно нужное слово.
Слово, в процессе рожденья не внемля, а споря,
миру являет свой облик и ставит заглушки.
Где-то кому-то по-прежнему слышится море
флейтой троянской из нежного зева ракушки

Где-то молчат повзрослевшие ангелы, ибо
ангельский птичий язык нам с тобой непонятен.
Полость пространства забита песками Магриба,
каждая впадина, каждый раскрывшийся кратер,
чашеобразный, причудливо лоноподобный,
формой и сутью – прообраз Святого Грааля.
Так рододендрон является, если угодно,
предком в горшках одомашненных чахлых азалий

Нет ни пути, ни исхода. И даже мы сами –
след на белёсом песке своего же ботинка.
Древо познанья сокроет густыми ветвями
всё, что мешает нам жить по животным инстинктам.
Вытеснен вечностью, словно песками, в пустоты
смысл мирозданья, где всё лишено постоянства.
Глупо жалеть об отсутствии дара полёта,
если повсюду вокруг недостаток пространства

Так океан в час прилива, и солнце в зените,
силятся слиться друг с другом у водораздела.
Так вырываются строки осколками литер,
рваным дыханьем из уз бесполезного тела.
Лишь отделивши язык от носителя, можно
снова начать понимать разговоры на птичьем.
Нет больше слов, но и меньше, увы, нету тоже –
в этом вся прелесть паденья и ужас величья

Принцип движенья небесного тела неведом,
так же, как прежде утраченный смысл мирозданья.
Ради какого закона и звёздного неба
Кант отвергал догматический способ познанья?
Ради каких урожаев бессчетные годы
ходят дожди по земле патрулем пилигримов?
Где-то кому-то приснятся покой и свобода –
эти понятия только во сне совместимы

Золото под серебром

Так ли, иначе ли, все мы у Бога в горсти.
Так и не начали слышать себя и друг друга.
Первым мной сказанным словом было «прости».
Больше с разомкнутых губ не слетало ни звука
правды. У правды особенно искренний звук
рыбьего крика и порванных вдрызг сухожилий,
трепета нити, что спрял терпеливый паук,
шелеста кожистых крыл пресноводных рептилий.

Слышит растущая вкруг водоемов трава,
как размыкается время ключами звучанья.
Стайкою рыб серебристых резвятся слова,
золотом листьев осенних ложится молчанье
там, где, как пальцы, скрестились кривые дорог
в предощущеньи конечности новых столетий,
где вдоль дорог, неоправданно сир и убог,
дрок расцветает ухмылками желтых соцветий.
Вязко-текучее, как ядовитая ртуть,
слово-зародыш на деснах моих кровоточит.
Первая заповедь – ври, только не словоблудь –
снова наводят на мысль о тщете многоточий.
Ночи-отшельнице зябко за стылым окном.
Сну вопреки погружаюсь в изнанку секрета,
как оплавляется золотом под серебром
тяжесть молчанья под легкостью лживых обетов.
Мир не фиксирует памяти дагерротип,
узости тусклых зрачков равнодушно послушен.

Первым мной сказанным словом было «прости».
Тихо... безадресно... как отлетают души.

Эсхатологическая космогония

День за днем перед взором мелькают годов вереницы,
время словно застыло на млечном стоп-кадре Вселенной.
Но когда я закрою глаза, этот мир растворится,
ибо сколько я помню себя, я в нем был неизменно,
и напротив, не помню ни мига, чтоб было иначе,
то есть мир без себя самого совершенно не помню.
Это значит, что не было «Декамерона» Боккаччо,
и триеры ахейцев под Троей не пенили волны,
Франсуа не писал завещания в форме баллады,
крестоносцы за Гробом Господним не шли до Хеврона,
не сдавали Гренады испанским войскам Альмохады,
а историки врут хуже всяких старух возле дома.
День и ночь над бумагой корпят, что ей будет, бумаге?
Всяк историк мной выдуман, стало быть, мне и подобен.
И сосед мой все врет, что стоял за «Зубровкой» в продмаге,
когда я еще замыслом был в материнской утробе.
Верно врет! Я ни замыслом отроду не был, ни плодом.
Просто был. То есть, есть. И какое-то время пробуду.
Это я, от того ли, что сызмальства был сумасбродом,
взял и выдумал Бруно, соседа, Сафо и Иуду.
И залитые лужами каждой весною аллеи,
и обычай, что сам соблюдаю, ходить на работу,

и слова, что придумал, потом приписал Галилею,
и смешное названье для целых двух штатов – Дакота.
Так что истины нету ни в завтрашнем, ни во вчерашнем,
зыбки время, пространство и мысль. Лишь забвенье надежно.
Что же делают боги, когда им становится страшно?
Обращаются к людям с мольбой о молитве. И все же
снова жахнет рассветом по спящему городу утро,
выжигая напалмом зари тусклых окон глазницы,
новый день мостовые и стены зальет перламутром...
Но когда я закрою глаза, этот мир растворится.

Страницы автора в Сети:

Стихи.Ру
Рифма.Ру